

Общие вопросы истории и философии науки

УДК 1(091)

DOI: 10.15372/PS20230101

В.П. Горан

МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ В ФИЛОСОФИИ Р. ДЕКАРТА: ПРОРАБОТКА АЛЬТЕРНАТИВНЫХ БИБЛЕЙСКИХ ДОПУЩЕНИЙ, ЗАЯВЛЯЕМЫХ КАК ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫЕ

Рассмотрены используемые Р. Декартом допущения, которые он заявляет как не признаваемые им истинными. Таковыми он заявляет их, поскольку использует, не руководствуясь библейскими текстами, а на основании опытных данных. Тем не менее он признает их значимыми «для жизни». Прежде всего, Декарт рассматривает здесь телесный мир в становлении, а не как созданный богом сразу в готовом виде. Также здесь он не только демонстрирует отвлечение от представления о божестве как управителе процессов, происходящих в природе, но и констатирует оправданность такого отвлечения. Все это дает основание признать наличие в рассматриваемой составляющей его учения материалистического компонента. А поскольку перед этим Декарт сформулировал основные законы механики, оценен и его вклад в становление современной науки. Сделан вывод, что хотя основная часть излагаемого здесь Декартом не провозглашается им в качестве истинного, тем не менее, опубликовав свои соображения, он внес весомый вклад в усиление формирующихся тенденций преодоления приверженности религиозному миропониманию.

Ключевые слова: Декарт; философия; истина; гипотеза; бог; религиозное миропонимание; библейские тексты; опытные данные; жизнь; телесный мир; материализм

V.P. Goran

THE MATERIALISTIC COMPONENT IN THE PHILOSOPHY OF R. DESCARTES: WORKING OVER ASSUMPTIONS ALTERNATIVE TO BIBLICAL, WHICH ARE DECLARED AS DELIBERATELY FALSE

The article considers assumptions used by R. Descartes, of which he declares he does not recognize them as true. He declares them as such, since he uses them not guided by biblical texts,

© Горан В.П., 2023

but on the basis of experimental data. Nevertheless, he recognizes them as significant “for life”. First of all, Descartes here considers the corporeal world in the making, but not as created by God wholly-formed. Also, here he not only demonstrates a distraction from the idea of God as the ruler of the processes occurring in nature, but also notes that such a distraction is justifiable. All this gives grounds to recognize the presence of a materialistic component in the considered constituent of his teaching. And since before this, Descartes formulated the basic laws of mechanics, his contribution to the development of modern science is also appreciated. The conclusion is made that although the main part of what Descartes states here is not proclaimed by him as true, nevertheless, by publishing his considerations he contributed a lot to strengthening the emerging tendencies to overcome adherence to a religious worldview.

Keywords: Descartes; philosophy; truth; hypothesis; God; religious worldview; biblical texts; experimental data; life; corporeal world; materialism

Настоящая статья – заключительная из трех, об общей цели которых можно судить по единой для нее и предыдущих двух статей [1; 2; 3] части их заголовков. Эта единая часть – «Материалистическая составляющая в философии Декарта», тогда как содержательную специфику каждой из них выражает завершающая часть заголовков. Конкретно у этой статьи завершающая часть ее заголовка говорит, что в ней рассмотрению подвергнуты используемые философом допущения, которые он оценивает как заведомо не признаваемые им истинными.

Действительно, создавая картину телесного мироздания, причем уже после признания за ним статуса субстанции и фиксации многочисленных проявлений этого его статуса, Декарт предлагает своему читателю некоторую условность. То, что философ признает условностью эту картину, красноречиво в том плане, что он не претендует на допустимость трактовки всех формулируемых им при этом утверждений в качестве того, что мыслится соответствующим действительности. Более того, как мы увидим далее, Декарт прямо заявляет, что признает их содержащими ложные гипотезы. Тем не менее он говорит, что эти его утверждения обеспечивают объяснение устройства и функционирования телесного мира. Более того, он одновременно признает, что и сами эти гипотезы, и основанные на них выводы более доступны для понимания человеческим разумом, чем соответствующие библейские тексты. Что касается оценки Декартом этих гипотез на предмет их истинности, то наряду с весьма показательным признанием, что для него *«маловероятно, чтобы причины, из коих можно вывести все явления, были ложными»* (курсив Декарта. – В.Г.) [5, с. 390], он делает и следующую оговорку: *«Не решаюсь тем не менее утверждать, что излагаемые мною*

причины истинны» (курсив Декарта. – В.Г.) [Там же]. Мало того, здесь же далее Декарт предупреждает читателя: «Я не только настаиваю на том, чтобы все, что я напишу, было принято на веру, но даже намерен высказать некоторые гипотезы, которые сам считаю неправильными» [Там же].

В этой самооценке собственных естественно-научных гипотез как неправильных Декарт явно лукавит. И он не может позволить себе не делать этого и даже не может позволить себе не впасть при этом в самообман. Ведь выводы, которые он декларативно оценивает этими словами как неправильные, делаются им на основании опыта. А Декарт – рационалист в гносеологии и, наряду с этим, также верующий в христианские сказки. Поэтому он и не может не объявлять выводы, опирающиеся на опыт и противоречащие библейским текстам, как неправильные. Декларируя это, Декарт не только делает процитированное мной выше заявление, что он не решается признавать полученные при этом результаты имеющими достоинство истинных. К этому он добавляет следующую весьма показательную самооценку того, что он сделал: «Однако, ввиду того, что разбираемые здесь вещи имеют немаловажное значение и, пожалуй, показалось бы дерзким, если бы я стал утверждать, что нашел истины, которые не были открыты другими, я предпочитаю ничего по этому поводу не решать, а для того, чтобы всякий был волен думать об этом, как ему угодно, я все, о чем буду писать далее, предлагаю лишь как гипотезу, быть может и весьма далекую от истины» [5, с. 390]. Как видим, здесь Декарт демонстрирует осознание того, что высказываемые им утверждения касаются вещей, имеющих «немаловажное значение», а зафиксированные в них открытия не были сделаны другими. Сам он предлагает оценивать их как всего лишь гипотезу, а не достоверную истину, причем допускает, что гипотеза эта весьма далека от истины, так что к ней и следует относиться как всего лишь к гипотезе. И выраженная тем самым скептическая самооценка Декартом своих естественно-научных достижений вполне согласуется с рационалистической, так сказать, доминантой в его философской позиции и, соответственно, с весьма критическим отношением к результатам тех своих исследований, которые опираются на данные чувственных восприятий, т.е. на эмпирический материал, даже полученный им самим.

Вместе с тем идущее сразу же далее продолжение самооценки Декартом этих результатов своих исследований содержит и прямое

признание им их значимости «для жизни». Действительно, имея в виду то, что он квалифицировал как всего лишь гипотезу, Декарт делает следующее заявление: «Но и в таком случае я вменяю себе в большую заслугу, если все выведенное из нее в дальнейшем будет согласовываться с опытом, ибо тогда она окажется не менее ценной для жизни, чем если бы была истинной, так как ею можно будет с тем же успехом пользоваться, чтобы из естественных причин извлекать желаемые следствия» [5, с. 390]. В этой самооценке Декартом своих естественно-научных результатов я считаю важным выделить и понимание, и признание им значимости того, что позже в марксизме получило наименование критерия практики: пользоваться истиной, «чтобы из естественных причин извлекать желаемые следствия».

Специфика аспектов многогранной философии Декарта, рассматриваемых в данной статье, определила внимание к тем составляющим содержания определенных его высказываний, иные стороны которого анализировались мной в предыдущих статьях [1, 2, 3]. И каждый раз я считаю уместным приводить соответствующий фрагмент текста философа. Сделаю это и сейчас.

Раскрывая суть того, что он при этом осуществит, Декарт сначала заверяет читателя: он нисколько не сомневается «в том, что мир изначально был создан во всем своем совершенстве, так что уже тогда существовали Солнце, Земля, Луна и звезды; на Земле не только имелись зародыши растений, но и сами растения покрывали некоторую ее часть; Адам и Ева были созданы не детьми, а взрослыми» [5, с. 390]. А свои гипотезы, о которых Декарт предупредил читателя, что считает их неправильными, он тут же изложил, оценив их значимость следующим образом: «И подобно тому как природе Адама и райских деревьев можно много лучше постичь, если рассмотреть, как дитя мало-помалу формируется во чреве матери и как растения происходят из семян, нежели просто видеть их, какими их создал Бог, – подобно этому мы лучше разясним, какова вообще природа всех сущих в мире вещей, если сможем вообразить некоторые весьма понятные и весьма простые начала, исходя из коих мы ясно сможем показать происхождение светил, Земли и всего прочего видимого мира как бы из некоторых семян...» [5, с. 391].

Здесь Декарт сделал весьма показательные признания. А именно, он признал, что отчетливо видит объяснительные преимущества рассмотрения вещей в их становлении по сравнению с признанием

их появления сразу в готовом виде. Но в христианских текстах повествуется, что бог создал их сразу готовыми. Сознвая несовместимость этих двух позиций, Декарт, чтобы не создавать впечатления своего отступничества от христианства, при обращении к объяснению вещей посредством рассмотрения их в становлении декларирует всего лишь условность этой своей позиции. Словом, здесь он просто таки вынужден в обстоятельствах, когда функционирует инквизиция, прибегать к декларированию такого объяснения своего обращения к рассмотрению природы в ее развитии как всего лишь условному. Но делая это посредством заявления, что «хотя мы знаем, что в действительности все это не так возникло», Декарт тем не менее признает: показав происхождение видимого из семян, «мы объясним все лучше, чем описав мир таким, каков он есть или каким, как мы верим, он был сотворен» [5, с. 391].

Нельзя не видеть также, что здесь Декарт весьма прямолинейно заявил: для постижения того, что существует в материальном мире, библейские тексты о его сотворении богом непригодны, для этого следует исходить из рассмотрения их материальных, как выражается он сам, начал уже существующими. А ведь это не что иное по своей сути, как допущение материалистического признания извечности существования телесного мироздания. И как бы старательно ни заверял Декарт читателя в том, что это всего лишь неправильные гипотезы, он ведь при этом и наглядно продемонстрировал, что при опоре именно на них для него оказалось возможным внятное объяснение реальных, объяснение, которое недостижимо, если опираться на библейские тексты. А поскольку это объяснение было опубликовано, оно стало достоянием научной и философской мысли. Для того времени это был далеко не безопасный и, стало быть, весьма смелый интеллектуальный акт, что наглядно продемонстрировал, в том числе, по признанию Декарта, и для него лично, суд инквизиции над Галилеем [4]. Так что параллельное провозглашение Декартом заверений в том, что он считает подлинно истинными библейские тексты, исторически вполне объяснимо.

Здесь представляется уместным сделать следующие пояснения относительно использования мной, в том числе и при характеристике соответствующих позиций Декарта, терминов «мировоззрение» и «философия». Дело в том, что мировоззренческий и философский уровни мышления – это разные предметные уровни. Предметная специфика мировоззрения – мир как целое. А предметная специфика

ка философии определяется ее основным вопросом. Это вопрос об отношении мышления к бытию. Так что при всей взаимосвязанности философии и мировоззрения как уровней мышления это разные уровни. Наиболее явное подтверждение тому – исторический факт существования у людей мировоззрения и до возникновения философии. Философия еще отсутствовала, а мировоззрение имелось. Даже в самих названиях этих двух высших уровней воззрений нашла выражение специфика каждого из них. Ведь словом «мировоззрение» непосредственно указывается, что речь идет о воззрениях на мир, т.е. о том, что представляет собой мироздание само по себе. Тогда как словом «философия» демонстрируется, что речь идет о любви к мудрости, т.е. о том, каково отношение субъекта к мудрости. А это уже метамировоззренческий уровень. Что касается Декарта, то уместно характеризовать соответствующие составляющие его позиции, если пытаться рассмотреть ее в ее целостности, как мировоззренчески-философскую. Ведь у него наряду с наличием сугубо мировоззренческих религиозных положений о боге, утверждаемых без философских обоснований и интерпретаций, налицо и сочетание того и другого. Действительно, когда Декарт рассуждает о боге, то он демонстрирует приверженность и сугубо мировоззренческому уровню представлений о нем, специфическому для дофилософского религиозного мышления. А когда он утверждает, что бог – это мыслящая, причем только мыслящая, субстанция, он переходит на философскую, уже метамировоззренческую, ступень рассмотрения специфики содержания этого понятия.

Наличие у Декарта утверждений, которые содержат установки на абстрагирование от собственных религиозно-философских заявлений о постоянстве, непрерывности, полноте и непосредственности управления богом всем совершающимся в телесном мироздании, наглядно демонстрируется двумя положениями его концептуального построения.

Первое выражено Декартом в следующем тексте: «Мы уже отметили выше... что все тела, составляющие универсум, состоят из одной и той же материи, бесконечно делимой и действительно разделенной на множество частей, которые движутся различно, причем движение они имеют некоторым образом кругообразное, и в мире постоянно сохраняется одно и то же количество движения» [5, с. 391]. И хотя здесь же далее Декарт не забывает повторить, что именно «Бог вложил в них все движение, имеющееся в мире и ны-

не» [5, с. 392], тем не менее также налицо и формулировка им утверждения о сохранении в телесном мироздании имеющегося в нем «количества движения». Здесь, как видим, Декарт напоминает читателю (утверждение: «мы уже отметили выше») ключевые составляющие своей картины телесного мира. Если попытаться изложить их по пунктам, то получится следующая их последовательность. Во-первых, Декарт использует слово «универсум» для обозначения единственно телесного мироздания, хотя признает и реальность существования также бестелесных бога и человеческих душ. В одной из предыдущих статей я уже отмечал данную особенность использования им этого слова. Теперь добавлю еще и следующую оценку мной этой ситуации. Ситуация эта есть, хотя не берусь однозначно утверждать, осознанная им или же невольная, но объективно имеющая место демонстрация фактического признания философом того, что и бестелесный бог, и тоже бестелесные души людей – это нечто не входящее в универсум и, стало быть, не принадлежащее к тому, что охватывает все реально существующее. Тем самым названные бестелесные существа таким словоупотреблением, по сути дела, отнесены к несуществующему. Во-вторых, заявляется признание материального единства этого мира: «все тела состоят из одной и той же материи». В-третьих, этот телесный мир провозглашается разделенным на множество движущихся частей, тем самым признается изначально присущее различным его частям движение, причем движение не единообразное у всех его частей, а своеобразное у каждой из них. В-четвертых, тем не менее у этого их движения декларируется и нечто общее: утверждается, что оно «некоторым образом кругообразное». Тем самым также заявляется признание его сугубо механического характера: утверждается, что оно целиком сводится к пространственному перемещению частей материи. В-пятых, декларирование кругообразного характера их движения можно интерпретировать и как соотношенное Декартом с утверждением, что «в мире постоянно сохраняется одно и то же количество движения».

А еще одним, вторым, положением этого своего концептуального построения Декарт и сам констатирует оправданность отвлечения от представления о боге как управителе движением материи и, взамен, сосредоточения на познании реальных параметров этого движения, руководствуясь тем, как оно достигается опытным постижением. Вот это положение: «...Так как Бог может управлять ими бесконечно различными способами, то какие из этих способов

им избраны, мы можем постичь только на опыте, но никак не посредством рассуждения» [5, с. 391]. Как видим, у Декарта налицо весьма своеобразное объяснение невозможности сугубо умозрительного («посредством рассуждения») постижения ряда существенных для его картины телесного мира характеристик этого последнего. А конкретно, здесь у Декарта не только констатация того, что эти характеристики устанавливаются посредством именно опытного, а не отвлеченно рационального постижения. Наряду с этим Декарт заявляет, что для объяснения этой ситуации приходится исходить также из веры в возможность для бога управлять движением материи «бесконечно различными способами». «Вот почему мы вольны предположить любые способы, лишь бы все вытекающее из них вполне согласовывалось с опытом» [Там же]. Здесь, опять-таки не упустив возможность сослаться на бога, Декарт тем не менее высказал установку не только на самостоятельность постижения человеком функционирования телесных образований в смысле независимости понимания им этого функционирования от его религиозных представлений, но и на то, чтобы при этом опираться не на абстрактные рассуждения, а на опыт и единственно на такие рассуждения, которые опираются на опыт.

Наличие в создаваемых Декартом на этом этапе концептуальных построениях материалистической составляющей проявляется и в следующих его рассуждениях, несмотря на то что и они сопровождаются заверениями, что на самом деле телесный мир сотворен богом. «Этих немногих предположений, мне кажется, достаточно, чтобы пользоваться ими как причинами или началами, из коих я выведу все следствия, видимые в нашем мире, на основании одних изложенных выше законов» [5, с. 393]. Здесь Декарт, как видим, использует в качестве синонимов слова «причины», «начала» и «основание». Особенно показательно использование слова «начала». Оно означает фактическое признание Декартом при рассмотрении природы наличия в ней самой того, что составляет ее именно собственное, а не привнесенное извне, от внеприродного бога, начало. Этим словоупотреблением Декарт наглядно демонстрирует присутствие в его концептуальных построениях и определенно материалистической составляющей. Более того, присутствие здесь у него и этой составляющей можно было бы считать произвольным, им самим не осознаваемым, если бы не наличие в приведенной части его текста прямого заявления, что он выведет единственно («на ос-

новании одних...)» из этих начал абсолютно «все следствия, видимые в нашем мире», так что материалистическая составляющая в его подходе здесь к построению концепции телесного мира и фактически имеет место, и реализуется им вполне последовательно. А делать это, не осознавая как мировоззренческий так и философский смыслы того, что делаешь, едва ли возможно. Немаловажно и то, что этот подход к познанию природы самим Декартом оценивается и как наиболее доступный разуму. Вот его прямое заявление об этом: «Я не думаю, чтобы можно было измыслить иные, более простые, более доступные разуму, а также и более правдоподобные начала, нежели эти» [Там же]. Этим заявлением Декарт наглядно демонстрирует признание им самим органического единства, с одной стороны, своего материализма с опорой, с другой стороны, исключительно на собственный разум при познании природы.

В приведенных мной на предыдущих страницах цитатах Декарта уже содержались его отсылки к закономерностям телесно-материального мира. Теперь время сделать соответствующие составляющие этого его миропонимания предметом специального внимания. Это целесообразно, поскольку в них в концентрированном виде воплотился механистический характер подхода Декарта к пониманию сущностной специфики его представлений об этом мире и тем самым нашло свое самое непосредственное выражение наличие в его и мировоззрении, и философии материалистической составляющей. А это та составляющая его позиции, проработка которой и реализовалась в его объяснении всех феноменов материального мира, о которых, как он считал, в то время было известно. Объясню надобность моего использования термина «телесно-материальный мир» для обозначения содержательной особенности понимания Декартом этого мира в его целостности. Дело в том, что излучение как представляющее собой наряду с веществом специфическую форму существования материи тогда еще не стало для науки предметом фиксации и изучения.

Не могу при этом не отметить, на сколь поразительную для того времени глубину ум Декарта оказался способным прозревать сущностную закономерность телесно-материального мира и процессов в нем. Ведь Декарт был воспитанником церковного учебного заведения, а ему принадлежат начальные формулировки основных законов механики, во всяком случае следующих двух. О них у меня уже была речь в предыдущей статье, но уместно обратиться к ним

и теперь: *«Первый закон природы: всякая вещь пребывает в том состоянии, в каком она находится, пока ее что-либо не изменит»* (курсив Декарта. – В.Г.) [5, с. 368]; *«Второй закон природы: всякое движущееся тело стремится продолжать свое движение по прямой»* (курсив Декарта. – В.Г.) [5, с. 369]. В этих формулировках, как видим, в центре внимания Декарта феномен инерции. Это его весомый вклад в становление нововременной науки, а тем самым и научной составляющей фундамента становящейся философии Нового времени наряду с его вкладом в становление и непосредственно самой этой философии.

Все эти фиксируемые мной особенности подхода Декарта к познанию природы философ декларирует, давая ему следующую самую общую его характеристику: *«И хотя указанные законы природы таковы, что, даже предположив описанный поэтами хаос, иначе говоря, полное смешение всех частей универсума, все же возможно посредством этих законов доказать, что смешение должно было мало-помалу привести к существующему ныне порядку мира...»* [5, с. 393]. Здесь Декарт также демонстрирует, что он вполне сознает способность материи прийти *«к существующему порядку мира»* совершенно самостоятельно, т.е. без вмешательства чего бы то ни было нематериального, конкретно – бога. И это тоже явная материалистическая, и к тому же весьма отчетливо выраженная, составляющая его позиции. Но и при такой ее декларации здесь же Декарт считает обязательным для себя также заявить: *«...Но так как соответственно высшему совершенству, присущему Богу, подобает считать его не столько создателем смешения, сколько создателем порядка... то я и счел нужным предпочесть здесь соразмерность и порядок хаотическому смешению»* [Там же]. Тем самым Декарт прямо признает, что представление о боге привлекается им, чтобы заявить о признании наличия организатора того порядка в материальном мире, который способен установиться и без бога. Но и после этой вставки, напоминающей о его приверженности вере в бога, Декарт возвращается к предположению, что все изменения в телесном мире происходят согласно законам природы, т.е. самостоятельно, без вмешательства извне от бога. Вот эта часть его текста: *«Впрочем, маловажно, каким я предполагаю изначальное расположение материи, раз впоследствии, согласно законам природы, в этом расположении должно было произойти изменение. Едва ли можно вообразить расположение материи, исходя из которого нельзя было бы*

доказать, что, согласно этим законам, данное расположение должно постоянно изменяться, пока не составит мир, совершенно подобный нашему...» [5, с. 393–394]. И показательно следующее. Далее Декарт, снова напомнив читателю, что материалистическое истолкование телесного миропорядка у него всего лишь предположение, тем не менее утверждает: «...Говоря о предположениях, я не делаю, однако, ни одного такого, ложность которого – хотя бы и явная – могла бы дать повод усомниться в истинности выводимых из него заключений» [5, с. 394]. А затем он разворачивает изложение этих своих заключений, которое содержит подробное объяснение того, «как... образованы все тела видимого мира» [5, с. 396]. Специально подчеркну: именно «все тела». Причем Декарт сам сосредоточивает внимание читателя его трактата на этом: «...Я... в настоящем трактате не оставил без объяснения ни одного из явлений природы» [5, с. 415]. Разумеется, речь у него идет о явлениях природы, известных современной ему европейской науке.

Но и это еще не все. Ведь далее Декарт делает следующее признание: «Хотя я и не желал, чтобы думали, будто составляющие этот видимый мир тела были когда-либо образованы описанным мною способом, о чем я уже предупреждал... однако я вынужден и далее придерживаться той же гипотезы для объяснения всего сущего на Земле. Если я с очевидностью докажу – а это я надеюсь сделать, – что таким способом можно дать весьма понятное и достоверное объяснение всех видимых вещей и что не может быть иного способа, то отсюда с полным основанием можно будет заключить, что хотя мир не был изначально создан таким путем, а был сотворен непосредственно Богом, однако природа всех вещей в нем такова, как если бы они образовались именно описанным способом» [5, с. 400]. Как видим, здесь Декарт уже безапелляционно утверждает, что даваемое им объяснение всех вещей телесного мира как результата действия естественных причин он оценивает как и «достоверное», и, более того, единственно возможное: «не может быть иного способа». А это, добавлю уже от себя, означает и то, что излишне привлекать для их объяснения еще и бога. Но создав предпосылки для такого заключения, Декарт сразу же после этого декларирует свою приверженность диаметрально противоположной позиции: «мир не был изначально создан таким путем, а был сотворен непосредственно Богом». Еще раз подчеркну следующую деталь приведенного текста философа. Наряду с тем, что Декарт повторяет как

мантру заявление о своем согласии с христианским утверждением о сотворении телесного мира богом, он тем не менее тут же делает оговорку (слово «однако»), что «природа всех вещей» в этом мире соответствует их образованию «именно описанным способом», т.е. действием «естественных причин», и, стало быть, отсюда следует сделать вывод, который наш философ позволить себе не осмелился: не действием сверхъестественного бога.

А как бы поводя итог всему конкретно этому своему исследованию, Декарт пишет: «...Многое иное, причины чего, на мой взгляд, я здесь с достаточной ясностью изложил, не выводя их из иных начал, кроме общепринятых и всеми признанных, а именно: величины, фигур, положения и движения различных частиц материи... нет ничего во всей природе столь редкостного (лишь бы оно проистекало из чисто материальных причин, т.е. лишенных души и свободной воли), основание для чего нельзя было бы вывести из тех же начал. Отсюда я заключаю, что всякие иные начала, когда-либо добавленные к вышеизложенным... совершенно излишни» [5, с. 407]. Здесь философ воспроизводит высказываемое им и в других текстах утверждение, что все рассмотренные им и известные к тому времени природные феномены ему удастся объяснить, выводя их единственно из принятых им механических начал, а именно «величины, фигур, положения и движения различных частиц материи». И таким заключением о началах материальных вещей Декарт фактически, но не озвучивая это, тоже признает ненужность бога для объяснения феноменов, которые он характеризует как сугубо природные. Показательно, что здесь, в отличие от предыдущих своих заявлений при рассмотрении тоже сугубо природных феноменов, бога он даже не упоминает.

Чтобы зафиксировать явные колебания Декарта между установкой на признание за богом роли единственного творца всего существующего и осуществляющегося в телесном мире, с одной стороны, и продемонстрированным только что допущением способности материи самостоятельно обеспечить собственную упорядоченность – с другой, уместно привести его заявление: «...Мы не будем... останавливаться на конечных целях, поставленных Богом перед природой при созидании естественных вещей: ведь мы не должны позволять себе притязать на участие в его замыслах» [5, с. 325]. Если в этих последних словах Декарта нашло выражение утверждение, признаваемое им верным, то чего стоят все имеющие-

ся, в том числе и в трактате «Первоначала философии», его разглагольствования о конкретных особенностях устройства мироздания как именно результата реализации божественного замысла? Ведь как следует из этого его заявления, у него нет оснований претендовать на понимание устройства мироздания как результата реализации того замысла, о котором ему не дано ничего знать, а потому он и не может претендовать на это. Стало быть, все, что содержится в той составляющей представлений Декарта о боге, где речь идет о мироздании как результате реализации этим самым богом своего замысла, надлежит признать не более чем продуктом его, Декарта, человеческой слабости фантазировать о том, знать о чем ему не дано.

Подвожу итог вышеизложенному. В предыдущих публикациях, посвященных философии Декарта, я уже отмечал наличие у него утверждения, что бог изначально создал телесный мир таким, что после его сотворения, в последующем все в нем совершается строжайше так, как бог предопределил [5, с. 329]), т.е. без каких бы то ни было отклонений. Это давало Декарту возможность подходить к рассмотрению происходящего в этом мире как с точки зрения того, что это – реализация предопределенного богом, так и в то же время не прибегая к этой религиозной доктрине. Самой такой демонстрацией правомерности этого последнего варианта рассмотрения наблюдаемого в материальном мире Декарт фактически наметил возможность оправдания перехода таким способом на позиции материализма. Более того, сам же он и реализовал эту возможность построением объяснения того, что дано наблюдению в телесном мире, при полном отказе от попыток объяснить что бы то ни было из этого замыслами бога. И Декарт даже обосновывал эту составляющую своей творческой активности тем, что нам не дано что-либо знать об этих замыслах. А потому мы, дескать, вольны строить свои объяснения, руководствуясь исключительно нашими наблюдениями над природным миром. Но позволяя себе это, Декарт в качестве оправдания такой своей позиции заявляет, что предлагаемые им объяснения – не более чем его фантазии, а не то, что он оценивает как дающие знания об имеющем место в действительности. И сформулировав тем самым оправдание, по меньшей мере для себя, относительно того, чтобы выражаться, не будучи стесненным боязнью сказать нечто непозволительное с церковной точки зрения и поэтому влекущее последствия, которые Декарт считает для себя нежелательными, он и использовал в полной мере эту свою свободу,

свободу слова. А такое ее использование дает основание допустить, что сказанное им при этом, будучи проявлением того, что он оценил как то, что дает ему оправдание, по крайней мере перед собой, в отношении того, чтобы выразаться без оглядки на угрозу наказания, и было проявлением его подлинной позиции.

Наконец, если Декарт признает и, более того, наглядно демонстрирует, что став на религиозную позицию, мы не можем объяснить наблюдаемое устройство телесного мироздания, тогда как, напротив, с материалистической позиции объяснение получается убедительным и полным, то это весомое для разума подтверждение несостоятельности первой и плодотворности второй. Вместе с тем обнаживший эту ситуацию Декарт настойчиво, а также и несомненно искренне заверяет, что остается приверженцем признания истинной именно религиозной точки зрения. Для вдумчивого читателя эти его заверения не могут служить основанием признать такую откровенно противоразумную составляющую его позиции заслуживающей одобрения, а тем более присоединиться к ней. Так же как заверениями в своей приверженности этой последней он не делал несуществующим предпринятое им самим обнажение ее несоответствия картине мира, создаваемой становящейся, в том числе и благодаря его творчеству, нововременной наукой. Этим, а главным образом той составляющей результатов своей творческой активности, которой он реально обогатил подлинные человеческие знания о мире, Декарт внес весомый вклад в создание предпосылок преодоления мыслящей прослойкой новоевропейского общества господствующей тогда слепой и бездумной приверженности религиозному миропониманию. Тем самым Декарт невольно, но наглядно продемонстрировал: для его творческой естественно-научной активности приверженность религиозной позиции оказалась весьма тяжелым препятствием, и чтобы достичь реальных результатов в познании природы, надлежит если не отказаться, то, во всяком случае, отвлечься от религиозных представлений.

Литература

1. Горан В.П. Материалистическая составляющая в философии Р. Декарта: ее наличие в трактовке соотношения ума человека и функционирования его мозга // Философия науки. 2022. № 1 (92). С. 3–18.

2. Горан В.П. Материалистическая составляющая в философии Р. Декарта: признание за телесным мирозданием статуса субстанции // Философия науки. 2022. № 2 (93). С. 18–35.
3. Горан В.П. Объективно-идеалистическая составляющая в философии Р. Декарта: и зачатки диалектики, и пренебрежение нормами рационального мышления // Философия науки. 2021. № 4 (91). С. 3–24.
4. Декарт Р. К М. Мерсенну, конец ноября 1633 г. // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 596–597.
5. Декарт Р. Первоначала философии // Декарт Р. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1989. Т. 1. С. 297–422.

References

1. Goran, V.P. (2022). Materialisticheskaya sostavlyayushchaya v filosofii R. Dekarta: ee nalicie v traktovke sootnosheniya uma cheloveka i funktsionirovaniya ego mozga [The materialistic component in the philosophy of R. Descartes: its presence in the interpretation of the correlation of the human mind and the functioning of his brain]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 1 (92), 3–18.
2. Goran, V.P. (2022). Materialisticheskaya sostavlyayushchaya v filosofii R. Dekarta: priznanie za telesnym mirozdaniem statusa substantzii [The materialistic component in the philosophy of R. Descartes: recognition of the status of substance to the corporeal universe]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of science], 2 (93), 18–35.
3. Goran, V.P. (2021). Obyektivno-idealisticheskaya sostavlyayushchaya v filosofii R. Dekarta: i zachatki dialektiki, i prenebrezhenie normami ratsionalnogo myshleniya [Objective-idealistic component in the philosophy of R. Descartes: both the beginning of dialectics and disregard for the norms of rational thinking]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], 4 (91), 3–24.
4. Descartes, R. (1989). K M. Mersennu, konets noyabrya 1633 g. [To M. Mersenn, the end of November 1633]. In: Descartes, R. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vol.], vol. 1, 596–597. Moscow, Mysl Publ. (In Russ.).
5. Descartes, R. (1989). Pervonachala filosofii [Principia Philosophiae]. In: Descartes, R. *Sochineniya: V 2 t.* [Works: In 2 vol.], vol. 1, 297–422. Moscow, Mysl Publ. (In Russ.).

Информация об авторе

Горан Василий Павлович – Институт философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
goran@philosophy.nsc.ru

Information about the author

Goran, Vasiliy Pavlovich – Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).
goran@philosophy.nsc.ru

Дата поступления 16.02.2023